

Валерий Писигин

В поисках русской альтернативы

(Очерк об американском историке Стивене Коэне)

Если бы пришлось одним словом отразить нынешнюю внутривластную жизнь России, то более точного слова, чем «скука», вряд ли подыскать. И когда в редкие минуты с телеэкрана мелькнут кадры бурных восьмидесятых-девяностых, охарактеризованных пропагандой как время политических недоразумений и сплошных катастроф, невольно задаешься вопросами: «Куда делись перевозбужденные толпы, вышедшие на улицы и требующие от власти справедливости? Где политические деятели, влекущие за собой массы? Куда пропали отчаянные публицисты, разоблачающие каждый шаг власти, и где наша доблестная пресса, со всеми своими оттенками и направлениями, непрерывно ведущая спор между собой, несущая свет правды, борющаяся за свою честь и за своего читателя? Где телевидение, приковывавшее к себе внимание тем, что вело на своих каналах шумный диспут о будущем страны и её народов? И вообще: мы вчерашние – это мы? И если да, то неужели понадобилось всего десять лет, что бы так нас переиначить?»... И за этими вопросами, пробуждающими память о нашей недавней истории, за еще пока легкой дымкой, затянувшей прозрачный воздух прошлого, – возникают подзабытые имена, кажется, еще вчера бывшие у всех на устах, вызывавшие всеобщее внимание, уважение одних и ненависть других, но только не равнодушие, потому что равнодушия тогда не было. И среди этих имен, так или иначе оказавших влияние на внутривластную процесс, на осознание нами своего настоящего места в истории прошедшего века, – американский ученый, историк, публицист, профессор Стивен Коэн...

Этот стройный, всегда в очках, в неизменных джинсах, с густой щетиной и говорящий таким же густым басом «советолог» появился вскоре после начала Перестройки, стал известным и даже популярным во время её апофеоза, затем в одночасье оказался «консерватором» и тихо исчез, вместе со страной, которую изучал всю жизнь, вместе с публичной политикой, которая оказалась загнанной под кремлевский ковер, вместе с независимой прессой, свободными выборами и прочими атрибутами полноценного демократического государства... И сегодня, когда наше усталое общество ушло в частную жизнь, оставив власть в гордом одиночестве (чего эта власть и добивалась последние годы), когда наша пресса, за редким исключением, утратила лицо и обрела физиономию с привычной гримасой «чего изволите?», а «интеллектуальная элита» озаботилась позорными и мелкими вопросами вроде вопроса о преемнике, – быть может, самое время вспомнить американского историка и обратиться к его книгам, статьям, выступлениям, благо повод к тому есть: в 2008 году Стивену Коэну исполнится 70 лет!

Его роман с Советской Россией, как оказалось, пожизненный, начался почти полвека назад, когда молодой студент из Индианы, с внешностью рок-н-рольной звезды Бадди Холли, оказался в английском Бирмингеме, где проходил практику в местном университете. По окончании сессии, в июле 1959 года, этот студент решал нетривиальную задачу: как и где провести оставшийся летний месяц? Тогда его влекла Испания, поскольку Стивен Коэн находился под влиянием книг Эрнеста Хемингуэя. Он уже было собрался в Мадрид, как неожиданно, прохаживаясь по рабочим кварталам Бирмингема, увидел рекламу, предлагавшую месячный круиз на теплоходе по Советскому Союзу. Стоимость круиза – триста долларов: ровно столько, сколько у Стива оставалось в кармане!

«Я размышлял, как настоящий еврей, – вспоминает Стивен Коэн. – “Две недели в Испании или месяц в Советском Союзе, причем за одни и те же деньги?” И я решил ехать в СССР».

Стив приобрел путевку и на теплоходе то ли «Максим Горький», то ли «Александр Пушкин» отправился в страну, о которой имел самые смутные представления. К счастью, молодой американец оказался в окружении пенсионеров – ветеранов коммунистического движения

Англии, – и потому его месячная прогулка получилась неспроста: старые коммунисты по ходу круиза рассказали много любопытного о стране, еще не оправившейся от страшной войны и десятилетий сталинского террора... По Балтийскому морю теплоход достиг Копенгагена, Стокгольма, Хельсинки и наконец оказался в Ленинграде... Точный маршрут теперь определить трудно, но Стив помнит, что, кроме Ленинграда, побывал в Москве, Ростове-на-Дону и других городах... Мимо молодого человека из американской глубинки проплывали чудные картины русской провинции, с её древними храмами, старинными постройками и неповторимой природой, которая в летнее время скрывает наш тяжкий быт. Но больше всего в памяти Стива запечатлелось иное: люди, которые встречались ему в том или ином городе. Он запомнил их удивленные и отчасти недоверчивые лица, их одежду и, конечно, их вопросы...

«Когда я сходил на берег для прогулки, люди сразу же признавали во мне иностранца, вероятно из-за одежды. И они подходили ко мне и задавали вопросы, но я не знал даже слова по-русски. Они никогда в жизни не видели американца».

Наконец, в одном из городов вокруг Стива собралась настоящая толпа, по воспоминаниям Коэна, больше сотни человек, и даже нашелся переводчик, как полагает Стив, из этой же толпы, хотя мы-то знаем, откуда был этот переводчик, и потому можем судить о точности перевода. Но не это важно. Важно то, какие вопросы сыпались в 1959 году на голову американского студента, невесть откуда взявшегося в российской провинции. Это не были вопросы о политике, о социальном строе и государственном устройстве США – это были вопросы об американском быте: «сколько стоит в Америке холодильник?», «есть ли у вас квартира, а если да – то какая?», «имеется ли автомобиль и, если да, сколько он стоит?», «что американцы едят и сколько стоят эти продукты?», «что из одежды предпочитают носить простые американцы летом, а что зимой?» и, кстати, «есть ли в Америке морозы, как у нас, в России?»...

Эти и другие вопросы следовали один за другим, так что Стив едва успевал отвечать, а его спонтанный «переводчик в штатском» – переводить... Толпа все увеличивалась, превращаясь в настоящий стихийный митинг. Отвечая на по-детски наивные вопросы, американец успевал разглядывать открытые и доброжелательные глаза

советских людей – представителей совершенно иной формации, даже другой цивилизации, отличной от той, в которой он родился и вырос. Возвращаясь домой, еще раз проплывая мимо советских городов и сел, Стивен Коэн уже проникался интересом к их жителям... В начале августа 1959 года его теплоход еще раз оказался в Москве. Стив еще раз прогулялся по улицам советской столицы... Конечно, он тогда не мог знать, что в эти же самые августовские дни из двадцатилетней сибирской ссылки возвратилась в Москву Анна Михайловна Ларина...

Прибыв в США, студент Университета штата Индиана Стивен Коэн поинтересовался, имеется ли в этом учебном заведении «русская программа». Оказалось – имеется, более того, ею заведует признанный специалист в этой области профессор Роберт Таккер. Так Стивен Коэн приступил к изучению страны, о которой еще некоторое время назад не имел никакого представления. Но его волновала не просто история России. Путешествие по неизвестной стране, встречи с людьми, вопросы, которые он слышал, пробудили в нём самом немало встречных вопросов, на которые Стиву уже тогда хотелось найти ответы. И среди ключевых – вопрос о том, была ли обречена страна, совершившая величайшую социальную революцию, на тотальный террор государства против своего народа? Проще говоря, была ли альтернатива сталинизму? Таким образом, Стивена Коэна уже с самого начала влекла история политического устройства Советской России...

Но откуда в молодом человеке из Кентукки такая тяга к изучению исторических альтернатив?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к юным годам Стивена Коэна и к среде, в которой он рос.

Стив родился в ноябре 1938 года в Индианаполисе в еврейской семье, глава которой обанкротился в годы Великой Депрессии. Штат Индиана, однако, не стал родным для Стива, поскольку весной 1939 года его отец получил работу в соседнем Кентукки, в городе Овенсборо, расположенном на южном берегу реки Огайо... Кентукки находится в самом центре Америки, во многом соединяя американские Север и Юг, Запад и Восток. Большую часть штата занимает Аппалачское плато, но западная часть Кентукки, где находится Овенсборо, представляет собой равнину, идеально пригодную для выращивания сельскохозяйственных культур, прежде всего табака и

кукурузы. Именно аграрный сектор привлекал в эту часть штата множество черного населения из южных штатов. Соединялись здесь и культуры черной и белой Америк, и вовсе не случайно, что именно Кентукки является родиной Билла Монро (Bill Monroe) и музыки блюграсс, а также местом, откуда вышли в музыкальный мир всемирно известные братья Эверли (Everly Brothers)...

Однако, по законам того времени, черное и белое население проживало раздельно. Все большие и малые американские города, особенно на юге, были поделены чертой (как правило, определенной улицей), переходить за которую не решались ни белые, ни черные. У них были раздельные церкви, школы, клубы, кафе, транспорт, футбольные и баскетбольные чемпионаты... Словом, на глазах всего мира существовали как минимум две Америки – черная и белая, и было очевидно, какую именно из этих Америк обслуживает государство и правящий класс... И здесь надо иметь в виду, что в детстве Стив посещал с семьей местную синагогу – нечто, что находилось посреди двух церквей, черной и белой. Также отметим, что няней Стива была чернокожая женщина, несколько раз водившая его на воскресную

службу в баптистскую церковь для афро-американцев... Это значит, что уже с детства Стив имел четкое представление об альтернативе. Ребенком, он, конечно, не подвергал сомнению существующие законы, в том числе и законы апартеида, но в его сознании, несомненно, уже откладывались впечатления, которые с годами породили вопросы: «почему моя страна не живет по тем заповедям, которые еженедельно провозглашаются с кафедр всех трех церквей?» и «почему я, гражданин страны, декларирующей свободу и равенство, не могу дружить со своими черными согражданами, почему это опасно?»...

Подобными вопросами задавались в те годы миллионы сверстников Стива по всей Америке. Это было началом борьбы за гражданские права черного населения, за достоинство нации, за ее будущее, и именно поколению Стивена Коэна предстояло разрешить, наверное, самую важную проблему в истории своей страны – расовую... Вот откуда в студенте из Университета Индианы такая тяга к познанию альтернатив! Вот почему он, после того как побывал в Советской России и открыл для себя трагическую историю её народа, тотчас задался вопросом о том, можно ли было избежать этой трагедии? И с этим вопросом он пришел к профессору Роберту Таккеру...

Большинство историков, исследовавших советскую историю, считали, что альтернативой Сталину был Лев Троцкий. Но Роберт Таккер к их числу не принадлежал. Он был вдумчивым исследователем и знал, где надо искать действительную альтернативу. Он рекомендовал своему студенту изучать Новую Экономическую Политику и так называемый «правый уклон» в ВКПб... При этом Таккер не назвал ни одного имени. Имя всплыло сразу же после того, как Стив погрузился в источники, – Николай Бухарин... С этого момента Бухарин становится частью биографии историка из Кентукки.

Итак, Стивен Коэн стал изучать историю НЭПа, историю «правого уклона» и биографии его вождей, прежде всего Бухарина. Таким образом, он стал изучать альтернативу сталинизму. Это значит, что, сам того не ведая, Коэн погрузился в советскую политику – не в абстрактную, не во вчерашнюю, а в реальную, животрепещущую, ждущую своего часа, ибо вопрос об альтернативе витал не только в головах наиболее просвещенных советских исследователей вроде Михаила Яковлевича Гефтера, но и в головах некоторых советских

вождей: известно, что вопрос о реабилитации Бухарина встал еще во времена хрущевской оттепели, но Хрущев попросту не успел его решить...

Но почему Бухарин? Почему такая проблема с его реабилитацией?

Да потому что политическая реабилитация Бухарина – это признание не столько его исторической правоты, сколько признание того курса, символом и выразителем которого он был, а это означало, что многоукладная экономика, включающая частную собственность, вовсе не чужда идеям социализма... Но многоукладность в экономике тотчас привела бы и к политическим реформам, без которых огромная страна задыхалась. Проще говоря, вместе с Бухариным в жизнь страны вошла бы и его доктрина – губительная для сложившейся в стране системы государственного монополизма...

В начале шестидесятых Стивен Коэн взялся за биографию Бухарина, которая стала его докторской диссертацией. На самом деле Коэн даже не предполагал, что пишет политическое пособие для будущих «перестройщиков», своеобразное алиби для тех, кто надеялся удержать СССР «в рамках социализма». Словом, Стивен Коэн невольно сделал всё, чтобы оказаться втянутым в планетарный политический процесс – поскольку демонтаж сталинского государства был проблемой мирового уровня... Счастливая участь для любого ученого!

Между тем еще в середине семидесятых о существовании Стивена Коэна в России не знали. Он благополучно преподавал историю в Принстонском университете, куда пришел вслед за Таккером в 1968 году, и готовил издание биографии Бухарина... Когда же книга вышла, на неё обратили внимание исследователи и журналисты, справедливо полагавшие, что книга окажется полезнее в России, нежели в Штатах. О новой книге сообщили по «вражьим голосам», к которым прислушивались в России, и особенно в Москве, на улице Кржижановского... Так Анна Михайловна Ларина узнала о вышедшей на Западе биографии ее мужа и впервые услышала имя автора – американского историка Стивена Коэна. Шел 1974 год...

А еще через год они встретились! И для Коэна, и для Анны Михайловны, и для всей ее семьи появление Стива в их жизни стало судьбоносным событием. С той поры Коэн стал частью семьи Анны

Лариной... С обретением Анны Михайловны, Стивен Коэн лишился главного, чем должен руководствоваться историк-исследователь, – он перестал быть беспристрастным к предмету своего изучения. Теперь Россия приобрела для него черты необыкновенной женщины, некогда одной из красивейших в Москве, но волей судеб оказавшейся в центре политической борьбы, ставшей её жертвой, но все же перенесшей муки ада и вышедшей из него несломленной. С тех пор Стивен Коэн бывал в Москве десятки раз, в самых разных качествах и с самыми разными миссиями, но при любых обстоятельствах он, обвешанный сумками с «запрещенными» книгами и подарками, прежде всего стремился в дом к Анне Михайловне Лариной, и история его отношений с семьей Бухариных – это совершенно отдельная и сугубо личная тема. «Он приоткрыл над Бухариным крышку гроба», – образно оценивала роль Стивена Коэна вдова Николая Ивановича...

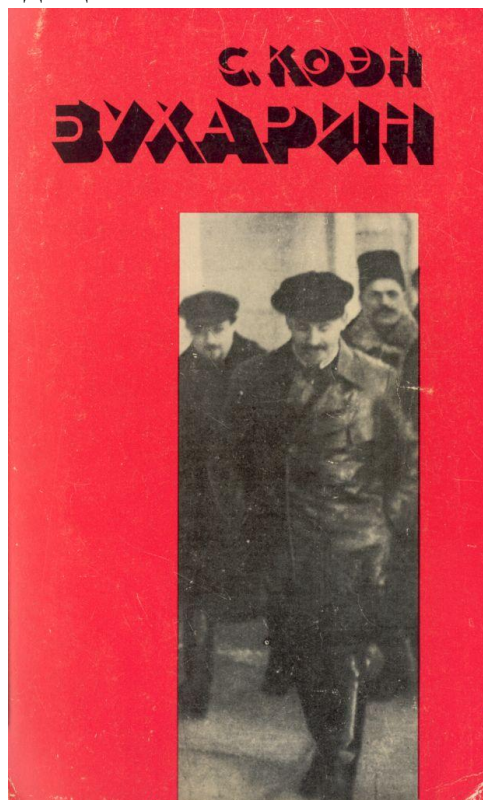
Между тем на повестку дня встал вопрос о переводе запрещенной книги на русский язык. Этим занялись сын Бухарина – Юрий Николаевич Ларин – и сотрудник Бухарина по его работе в «Известиях» – Евгений Александрович Гнедин. Когда перевод был готов, текст, при содействии того же Стива, переправили за границу и там издали. Так на свет появилась толстая книга в мягкой красной обложке. Книгу эту нелегально завозили в Москву, зачитывали до дыр, делали пометки и выписки, передавали из рук в руки, но главное – над книгой задумывались.

В конце концов биография Бухарина попала в руки генерального секретаря ЦК КПСС. Когда точно это произошло – неизвестно. Но то, что книга повлияла на Михаила Горбачева и на его политический курс, – очевидно. Сам он, при своем знакомстве со Стивеном Коэном в 1987 году, признался, что книга оказалась «очень полезной»... Стив до сих пор гадает, почему Горбачев произнес именно это слово, хотя в ответе Горбачева всё очевидно: ему нужен был исторический аргумент, позволявший бы делать новые шаги по либерализации экономики, но... непременно в рамках существующей политической системы, включающей КПСС с её руководящей ролью. Бухарин как наследник Ленина времен НЭПа, как альтернатива сталинизму – лучше всего подходил для этой роли.

Сейчас мы видим, что это была своеобразная соломинка, за которую хватались наиболее трезвомыслящие деятели из правящего

класса и интеллектуальной элиты, поддерживавшей Горбачева, – историки, журналисты, литераторы, публицисты из поколения так называемых «шестидесятников»... Вот тогда-то и потребовался Стивен Коэн генсеку. Не как историк, но как политолог, могущий рассказать американцам и миру о процессах, происходящих в СССР.

Стив зачастил в Советский Союз. Он стал желанным гостем в прогрессивных изданиях, интервью с ним печатались ежемесячно и широко обсуждались в обществе; его приглашали на радио и на телевидение, в студенческие и академические аудитории; о нем сняли документальный фильм, и этот фильм с успехом показали по телевидению; наконец, самые высшие инстанции доверили Стивену Коэну сделать телеобращение с Красной площади во время первомайской демонстрации 1989 года... Это была самая настоящая популярность. Его узнавали таксисты и домохозяйки, а на измайловском вещевом рынке стали продавать модные значки с надписью «Я споКОЭН»; его книга, еще вчера запрещенная, была уже по несколько раз всеми прочитана, но в издательстве «Прогресс» – самом прогрессивном в то время – подоспел отечественный вариант книги, так что биография Бухарина разошлась по стране, и студенты-историки сдавали по ней экзамены... Надо ли говорить о том, что со Стивом в то время были дружны многие известные публицисты, редакторы и издатели, поэты и писатели, историки и политики? Он был, что называется, в моде... Да что там мода? Он слыл другом самого Михаила Сергеевича, а это в такой стране, как Россия, поважнее всего прочего... Я вспоминаю чествование Стивена Коэна во дворце приемов американского посла на Арбате: столы ломились от яств, а от знаменитостей рябило в глазах! А какие были речи!!! Это был триумф пятидесятилетнего ученого,

советолога, профессора. Это был апогей Перестройки и ее лидера. Это было время возвращения Николая Бухарина и творческого взлета Анны Михайловны, у которой вышла книга воспоминаний...

Но триумфы, как известно, длятся недолго...

Стив поведал мне о любопытном диалоге, случившемся во время заседания политбюро где-то в 1987 году. Горбачев высказал мнение о том, что пора бы, наконец, реабилитировать Бухарина и других лидеров «правого уклона». Все промолчали, за исключением Б.Н.Ельцина, который высказал сомнения: «Не рано ли?» – «Нет, Борис Николаевич... Слишком поздно», – ответил Горбачев.

Не знаю, правда ли это, но в любом случае диалог двух политиков-антагонистов символичен. Горбачев, конечно же, прав: политическая реабилитация Бухарина и обращение к его экономическому наследию, равно как и стремление во что бы то ни стало сохранить политическую систему – запоздали как минимум на четверть века. Это было актуально во времена Хрущева, и, если бы Никита Сергеевич решился на реабилитацию Бухарина в начале шестидесятых, – у «социализма с человеческим лицом» еще был шанс какое-то время продержаться. Но к началу девяностых в республиках Советского Союза и в самой России уже вовсю развивались иные процессы, в одночасье отбросившие прочь все идеи по сохранению социализма и его идеологов...

Возвышение Ельцина, создание структур власти, параллельных союзным, бестолковое топтание на месте самого Горбачева, отсутствие с его стороны последовательных шагов на пути к демократии, угроза реванша со стороны консерваторов и прочее, включая борьбу за власть в союзных республиках, – привели в 1991 году к августовскому путчу и, как следствие, к развалу СССР...

Началась новая история, в которой не оказалось места ни Бухарину, ни самому Горбачеву... Анна Михайловна, едва оправившаяся от звания «жена врага народа», только-только испытавшая радость от торжества справедливости, вновь оказалась там, где была... Теперь её муж выставлялся как главный пособник большого террора, не жертва, а, наряду со Сталиным, один из создателей Большого Террора. Ее перестали приглашать на встречи, на конференции, на торжества, с ней перестали общаться журналисты, и

она, как это было раньше, – замолчала. И даже известный документальный фильм об Анне Лариной сняли не мы, а американцы...

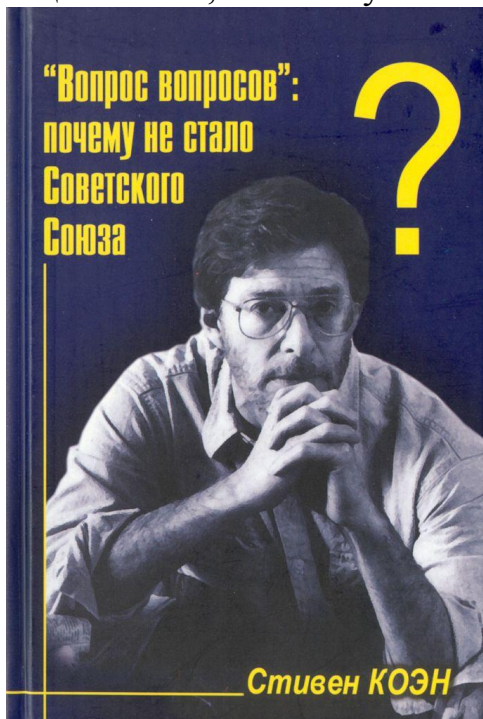

Но что же Стив?

Вовлеченный в большую политику, он должен был следовать за её течением и изменяться в зависимости от политической конъюнктуры, как это делали большинство его вчерашних почитателей и приятелей. Но Стивен Коэн дал понять, что он ученый, а не политик, что его, историка, интересуют политические процессы, происходящие в России, но не участие в политике. Он неоднократно подчеркивал, что является преподавателем истории и обязан доносить до студентов свое видение того, что происходит в посткоммунистической стране, а не быть полпредом радикальных экономических реформ, с которыми Коэн-ученый был с самого начала не согласен. Эта его позиция была продиктована, прежде всего, отвержением фигуры Бориса Ельцина, в которой он видел угрозу России. Еще в 1991 году он сказал: «Ельцин – это война». Меня потрясла эта жесткая фраза, так как в Ельцине я видел пусть и неидеального, но реформатора, искренне желавшего своей стране процветания. Мы разошлись со Стивом в оценке Ельцина и его реформ, но не перестали быть друзьями, потому что нас

объединяло нечто более важное, чем политика, – Анна Михайловна Ларина...

Но в целом отношение к Стиву коренным образом изменилось. Его перестали публиковать в демократических изданиях, его не приглашали на встречи, не давали трибуну для выступлений, ему был заказан вход на телевидение, его сторонились академические круги. Вчерашние друзья перестали с ним иметь дело, отвернулись и именовали не иначе, как пособник коммунистов, консерватор и так далее... В 1992 году Егор Владимирович Яковлев упрекал меня за то, что я дружу со Стивом: «Чего ты возишься с ним, он же с коммунистами?» А другой Яковлев, Александр Николаевич, некогда благоволивший к Коэну, «не заметил» его во время одного из торжественных приемов в США. Тогда Стив подошел к нему и спросил, в чем дело? И Яковлев категорично ответил: «Ты, Стив, стал ужасным консерватором»... Уточним, что такое обвинение бывший член политбюро, коммунист, вчерашний горбачевец и перестройщик бросил гражданину США, профессору истории Принстонского университета, никогда не принадлежавшему ни к коммунистам, ни к социалистам, ни к кому-либо еще!

Но как относились к Стиву в самих Соединенных Штатах? Примерно так же. На арену вышли иные советологи, теперь просто советники, которые в тесной взаимосвязи с тогдашним правительством России проводили экономические реформы. Нужда в ученом, всю свою жизнь изучавшем Советский Союз, его традиции, особенности его политической системы и государственного устройства, отпала...

Наш знаменитый писатель-эмигрант Андрей Синявский (Абрам Терц), встретившийся со Стивом в

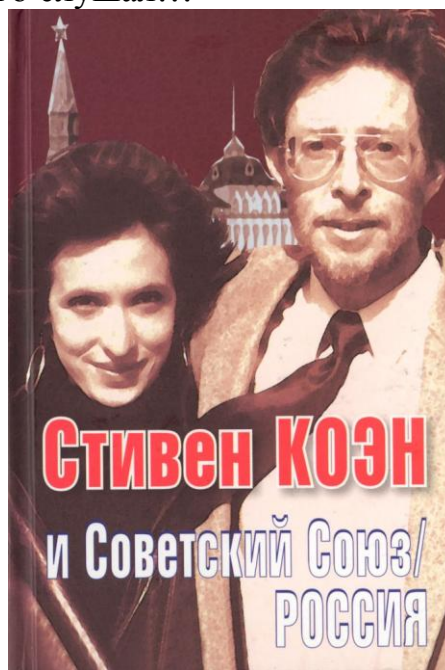
Нью-Йорке, сказал ему: «Знаешь, Стив, мы с тобой – последние товарищи». И добавил: «Подожди. Все станет на свое место»...

И действительно, все случилось очень скоро. Отрезвление последовало даже быстрее, чем ожидалось. И если после расстрела парламента в октябре 1993 года еще были у кого-то сомнения относительно политического курса России, то с началом войны в Чечне вчерашние критики Стивена Коэна, по сути, присоединились к нему, а наиболее дальновидные уже тогда предвидели крах демократической России. Вот что писал Лен Вячеславович Карпинский накануне первой чеченской войны, которая тогда еще именовалась «силовой операцией»: **«Если чеченский позор сойдет с рук его инициаторам, которые голосовали, формулировали и подписывали соответствующие решения, то выход из чеченского противостояния неизбежно станет входом всей страны в диктаторский режим. В сущности, состоятся похороны славных демократических начинаний в великой стране»** (Московские Новости, №63, 11-14 декабря). Подчеркну, выдающийся публицист писал это за несколько недель до ввода танков в Грозный, но его предупреждений в Кремле уже не слышали: в России уже была иная политическая реальность – та, о которой еще раньше предупреждал Стивен Коэн...

Сейчас, спустя десятилетие, и даже больше, у нас много шума из-за того, что Владимир Путин уничтожает или уже уничтожил демократические завоевания, оставленные ему в наследство Борисом Ельциным. В стране, по сути, нет парламента, нет полноценного правительства, нет независимой судебной власти, ничего не значит Конституционный суд, да и сама Конституция – не демократическая; а кроме того, нет независимой прессы, нет полноценных партий, нет свободных выборов... нет ничего, что могло бы характеризовать политический строй России как демократический. Но зададимся вопросом: а когда все это исчезло? Когда перестала существовать публичная политика? Когда демократические выборы превратились в старосоветский фарс?.. Ответ очевиден – не сегодня. Парламент перестал быть таковым после его расстрела в 1993 году; полноценного правительства не стало, после того как все ключевые министры оказались переподчинены напрямую президенту; судебная власть

независимой вообще никогда не была, члены Конституционного суда полностью подконтрольны Администрации; свободные выборы исчезли после чудачьих выборов 1996 года, и тогда же исчезла публичная политика, уступив место подкованной борьбе кремлевских кланов, и тогда же наружу вылезло унижительное для демократии слово «преемник». Свободная пресса и телевидение также были переподчинены Кремлю... Все это случилось еще при Ельцине. Владимир Путин лишь довел дело до логического конца, действительно, став полноценным преемником политики Бориса Ельцина, направленной на сворачивание демократических институтов власти. Это значит, что нынешний политический курс – прямое продолжение курса, подготовленного и сверстанного при Ельцине. Обо всем этом и писал Стивен Коэн в своих статьях, книгах, очерках, – да кто же в России (тем более в Америке) его слушал...

Сейчас Стивен Коэн испытывает некоторую досаду, оттого что его предупреждения не были услышаны, что политика демократических реформ в России в очередной раз потерпела крах, что нет больше той страны, куда он приезжал, которую изучал и с судьбой которой он все еще связан. Ушли из жизни многие близкие друзья, приятели, бывшие товарищи по встречам, дискуссиям, спорам... Нет Михаила Гфетера, Отто Лациса, Владимира Тихонова, Лена Карпинского, Егора Яковлева... Уже больше десяти лет, как ушла в иной мир Анна Михайловна Ларина. Мало кого интересует Горбачев, еще меньше – Бухарин. Кажется, что и вопрос об альтернативе сталинизму заботит сегодня только редкие академические головы... да и заботит ли? Похоже, страна и ее народ устали от десятилетий реформ, которые сейчас кажутся чем-то ужасным, а само слово «демократ» вызывает у граждан либо ненависть, либо тоску, и все мечтания обращены вовнутрь своего

собственного «я»: частные проблемы вышли на первое место, и, очевидно, надолго...

Так что же? У нас нет нужды в глубокомысленном обобщении и осмыслении того, что с нами происходило все эти годы? И нам более не нужен вдумчивый, честный и доброжелательный взгляд со стороны?

Да нет же. Скорее, наоборот. Именно сейчас и нужен нам добрый и вдумчивый взгляд со стороны, коль скоро сами мы на него теперь неспособны или попросту того не хотим. И если так – то нам еще пригодятся опыт и знания нашего старого друга Стивена Коэна, и, следовательно, рано ему откладывать в сторону свое перо и грустить о своей второй родине – России. Мы ждем от него новых книг, новых работ, столь же честных, столь же пронизательных и, конечно, столь же полезных.

Ноябрь, 2007.